

Ни один Издатель не напечатает эти строчки. Ни один... И все равно я их напишу. Начну с деда Яна, который был не очень-то добр ко всем. Ванда-Софья только к нему подлизывалась, и он ее привечал. Эдик-Эдвард умер в двенадцать лет от туберкулеза, Борика с Шуркой он почему-то не жаловал. Шурку (моего отца) вообще считал не своим — нагулянным. Вот ведь как... Потому Борик и Шурка были особенно близки к матери — очень красивой набожной женщине. Шурка считал, что я похожа на его мать. То, что мальчику должен был дать отец, дал папе Борик, или Бронислав, как по-настоящему, как крестили, звали Борика.

Борик был умным. Именно он дал отцу в руки Евангелие и сказал: «Читай. Читай внимательно. Многое откроется. Поймешь, что к чему». И отец читал. А потом, когда мне сравнялось семнадцать, все мне объяснил. Евангелия у нас не было, и приобрести его негде было. Да и наше поло-

жение... Но отец сказал: молись — и объяснил, что и как. И я молилась, молилась... Бог всегда был со мной.

Проклятая революция разъединила братьев. В семнадцатом году колчаковцы стояли в Уфе, и Борика «забрили», то есть мобилизовали. Он не хотел идти в армию, но что поделаешь? Тогда бы расстреляли. Пошел. Писем не было. А потом стало известно, что Борик попал в Вильно, куда смотался дед Ян со своей полькой. Подругой. Мать (Паулина) очень переживала, заболела. Жили они втроем: Софья, Шура и мать — еще в своем доме. Но дом в восемнадцатом конфисковали, забрали, а их — в сараюшку, пристройку. Софья учительствовала и вскоре вышла замуж за Борисова, учителя. Сама стала Борисовой. Отец доучивался в школе. Мать не работала. Голодали они здорово. Папа рассказывал, что по помойкам ходил, очистки собирал... Это-то после их достаточно зажиточной жизни! Но

отец был очень способным. Школу окончил на четверки и пятерки. Поступил в Уфимский пединститут, который открылся, на физико-математический факультет. Как нищему дали стипендию. Тут они с матерью воспрянули немного, хоть голодать перестали.

Так как все православные церкви (а мать была православной) закрыли, ее «подхватили» баптисты и заставили зимой в проруби креститься. Она — и так очень слабая — заболела воспалением легких и буквально за неделю сгорела. Отец остался один. К Софье иногда заходил, но не очень-то он был им нужен. Жили они с мужем плохо, недружно и вскоре разошлись.

В двадцать пятом отец окончил пединститут: учился четыре года. Распределен был в одну из уфимских школ. В школах (в смысле дисциплины) творилось невообразимое, и отец однажды дал по уху одному пацану за то, что тот кривлялся у доски. Пацан оказался сыном какого-то коммунистического

начальника. Поднялась шумиха, и отец ушел с работы. Собрав последние деньжонки и продав последние материнские вещи, отправился в Казань, в университет, на химический факультет. Химия всегда очень привлекала. Софья сразу заявила, что помогать не будет. Стерва — что с нее возьмешь... Зато с отца, как кончил он университет, все время требовала, отец сама работала. Даже когда хотел был сосланным — требовала. Ну не сволочь ли?

Папа снял в Казани койку у каких-то стариков-пьяниц. Они его однажды на престольный праздник напоили. Он свалился под стол и проснулся в... С тех пор не брал в рот ни крошки, хотя по работе всегда имел дело со спиртным.

Приняли его сразу на третий курс, и он окончил университет в тридцатом году почти полным отличником. Оставили при кафедре.

Должна сделать отступление о национальности отца. Фамилия Энгельгардт — немецкая. Но Ян — дед — был поляком, варшавским мещанином. Приехал в Уфу на заработки (до революции, конечно). Приехал из Лиепаи, так как в Литве женился на восемнадцатилетней Паулине Герман. Паулина была красавицей. Сестра ее — Анна Герман — не была так красива. Дед Ян был старше Паулины на восемнадцать лет. Всегда страшно ее ревновал. Был очень умен, изворотлив, предприимчив. Поселившись с маленьким ребенком (Софьей) в землянке, через год жил уже в приличном доме. Работал мастером на Самаро-Златоустской железной дороге. Ее как раз строили. Потом — позже — заимел еще один дом, который сдавал квартирантам, разбил два сада и в материальном отношении ни в чем не нуждался. Детей крестили в римско-католическом костеле Уфы, и семья счи-

талась польской. Бабушка Паулина была православной. Православной была и ее мать. Отец — Герман — католиком.

Мой отец был самым красивым ребенком в семье. Братя — Эдвард и Борик — тоже ничего себе, а Ванда-Софья — уродина: лошадиная голова. Противная.

Папу Паулина водила до пяти лет в бархатных платьицах с кружевными воротничками. Внизу — коротенькие штанишки. Длинные льняные тонкие волосы. Девочка — и все. Но когда говорили, какая красивая девочка, он надувал губки и вежливо объяснял: «Я — мачик...»

В Паулине текла и русская, и польская кровь. Значит, в отце тоже. В доме говорили на двух языках: русском и польском. Восприимники папины — Малиновские — так и написали в своих показаниях: семья польская. Папа во всех бумагах, как стал взрослым, писал «русский». Русской писалась и Софья, особенно когда стала Борисовой, выйдя замуж. О немецком — из-за чего произошла наша трагедия и сосланность, не было и речи. Русскими писались потому, что жили в России.

Папа окончил университет хорошо и получил приглашение ассистентом на кафедру органической химии. С мамой они были уже женаты. Тетка София встретила маму, которая была уже беременна мной, в штыки. Так и сказала отцу: «Что, не мог найти не калеку и не жидавку?» Отец очень возмутился, и на следующий день они уехали. (Приезжали в отпуск в Уфу.) Больше отец в Уфе не бывал. Меня он как-то уговорил на каникулах заехать, но я пробыла всего один день: так противна мне была эта «родственница».

Дядю Борика, как я уже сказала, угнали колчаковцы, но он сумел перебраться в Вильно.

Поступил в Виленский университет. Окончил юридический факультет. Этот же факультет окончил и Дима — мой муж. Связь с Бориком прервалась у папы в двадцать девятом году: было опасно общаться с заграницей, а Вильно стал не Советским Союзом. Ничего, до самой смерти, отец не знал ни о брате, ни об отце. Как бы он был рад знать все то, что знаю я...

А знаю я, что Борик женился на девушке Насте — дочери помощника псендза. Родилось у них пятеро детей. Последняя — Хелена — в 1949 году. Первый сын — Бронислав — появился в 1929-м. В шестнадцать лет его забрали в Армию Крайову, за что и поплатился. Его среди других таких же мальчишек виленское НКВД отправило на Колыму. Десять лет пробыл Броник в таежных краях: возил на грузовике урановую руду. В конце жизни, уже в Щецине, ноги у него совсем отказали. Врачи сказали: результат облучения. Вернувшись в Польшу, Броник поступил в Познанский университет и окончил юридический факультет. Так как прекрасно знал русский, был в Щецине официальным, дипломированным переводчиком с русского на польский и обратно.

Не знаю, какое отношение у него осталось к России. Думаю, не самое лучшее... Там же, на Колыме, женился на русской девушке из-под Ленинграда Василисе. Родился сын Юлек. С Юлеком Энгельгардтом я знакома. Он профессор Политехнического университета в Щецине и общественный деятель.

Самая любимая из всех дяди-Бориковых детей — сестра Тамара. Она на год старше меня, очень хорошо говорит по-русски, православная, и вот почему. В войну, в 1943 году, в Вильно мать послала ее в очередь за хлебом. Она, непонятно почему,

была похожа на еврейку, а в детстве в особенности. Очередь была большая, задвигалась, и ее вытеснили. Стала пробиваться, чтобы стать на место, и тогда в очереди заорали «жиде, жиде»... Подскочили два полицейских — поляка, взяли ее за шкурку (ей было тринадцать лет) и закричали:

встань на колени и читай по-польски «Отче наш»! Гольми (чулок не было, только гольфы) коленками плюхнулась она в размешанный снег и стала, плача, читать молитву. Полицейские ушли. Это унижение Тамара не может простить полякам всю жизнь. Вот так складывается жизнь...

У Тамары — сын Кшиштоф, муж умер. Сейчас родилась (Кшисик второй раз женился) маленькая Марина-Марта, и я тоже второй раз стала двоюродной бабушкой. Кшисик — большой ученый: атомщик, физик. Тамара была у меня несколько раз в гостях. Она очень близкий по духу мне человек.

Недавно умер второй брат (после Броника) — Ежи (Юрек). Умер от того, что любил выпить, особенно пиво. Инсульт. Работал в щецинском порту, хорошо зарабатывал, в России был несколько раз, в том числе у меня. Сын его — Артур Энгельгардт — начальник над всеми официантами в ресторане Королевского замка. Он много учился, чтобы занять это место, знает несколько языков. Высокий, стройный, красивый. Настоящий пан поляк. С русскими имеет касательство по работе. Любит ли их — не знаю...

Брат Анатолий — очень скромный человек. Всю жизнь проработал на стекольном заводе, но на таком, на котором делают стекла для космоса. Не женился, а жизнь «промотал» с подружкой Ясей. С ней и ко мне в Москву приезжал.

И, наконец, Хелена, или Леночка, как зовет ее Тамара. Неудачно вышла (рано) замуж, экономист,

как и Тамара. Есть у нее сын Михал. У молодых (у всех) есть свои семьи. Все работает, трудятся и, по-моему, ни любви особой, ни ненависти к России не испытывают. Интерес — да.

Как нашла такую многочисленную родню? О! Это особая история...

Уже писала, что отец мой (Александр Энгельгардт) был сослан в 1941 году в Казахстан за одно-единственное слово «немец», которое вляпали ему в паспорт в Казани в 1935-м из-за фамилии. Вместе с отцом были сосланы и мы с мамой. В Айдабуле я пошла в третий класс, и меня посадили за одну парту с беленькой девочкой, которую звали Броня Войтак. Она хорошо говорила по-русски, но все же с акцентом. В тот же день я узнала, что Броня тоже сосланная. Отец ее, польский офицер, был расстрелян в Катыни (это они потом узнали), а ее с мамой и двумя братьями (Казиком и Болеком) сослали в Казахстан. Мать, плохо знавшая русский, могла выполнять только черную работу — выносить горшки из-под русских женщин в айдабульском роддоме. В том же роддоме работала и моя мама, но... врачом. Войтаки, жившие в бараке, голодали. Когда кончались уроки, я вела Броню к нам домой, Циленька (тетка, мамина сестра, еврейка) кормила Броню «от пуза» супом и хлебом и наливала в железную банку еды для братиков. Сама Мария (мать Брони) доедала остатки от больных. Так жили. Папа разговаривал с Броней по-польски. Она очень стеснялась, но и гордилась.

Санитаркой (но рангом повыше) работала и мать Юзефа Вашкевича — тоже одноклассника. Вот они-то и нашли мою родню. Юзеф, неисправимый романтик (несмотря на погибшего в Катыни отца) летал в 86-м в Айдабул,

чтобы вспомнить детство — такое страшное... Жили оба в Щецине, который, как и Königsberg, был отдан после войны России и Польше. После войны всех сосланных поляков вернули на Родину. В Айдабуле Юзефу дали мамин московский адрес. Юзеф (как оказалось, влюбленный в меня) имел семью, двух сыновей, а мать его добрым словом поминала мою маму. Умер он совсем недавно, Бронечка, слава богу, жива. Имеет двух сыновей и внуков. Муж Саша Делор (французская фамилия) не так давно умер. Так разбросала нас жизнь.

Мы были счастливы, когда все встретились в Щецине, и о какой национальности могла идти речь?.. Мы были больше, чем родственники, — родные...

Энгельгардты поехали в Щецин тоже после войны из Вильно. Но советское Вильно не хотело их видеть. Пришлось драпать...

Рассказав историю своей семьи (со стороны отца), сижу и думаю: что же делается с людьми? Почему их можно настроить черт-те на что, почему начинают ненавидеть друг друга? У правителей голова поехала. Какая-то идиотская русофобия. Они впали в тяжкий грех и глупость, видя в России абсолютное зло и главную виновницу того, что не удалось стать ни великой европейской державой, ни империей от Балтийского и Черного морей до Урала. Поляки — по крайней мере правящая элита — действительно, кричат, что русские накануне Второй мировой вели дурака политику, в результате чего им не удалось использовать антигитлеровскую коалицию до 1 сентября тридцать девятого года, когда немцы вступили в Польшу. Однако теперь расшифрованы документы, доказывающие, что еще в тридцать пятом — тридцать седьмом польский маршал Рыдз-Смиглы

ездил на переговоры с нацистом номер два — Германом Герингом, и они договорились выступить единым фронтом против России: им был страшен не только большевизм, но и Россия как таковая. У них была цель — дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в СССР через работу с национальными элитами, которые эмигрировали из страны. То есть, с точки зрения польского Генштаба, борьба с Россией была одной из приоритетных задач.

Полякам нужно было, чтобы Россия распалась на «национальные элементы и племена».

У поляков, начиная уже с одиннадцатого века, когда польский князь Болеслав овладел Киевом и другими русскими городами, а Ярослав Мудрый через несколько лет его изгнал, начался какой-то дурной бред. При Иване Грозном воевал с русскими Стефан Баторий. В семнадцатом веке уже Россия воевала с Польшей за Украину и Белоруссию. Потом поляки участвовали в Армии Наполеона. А разделы Польши в восемнадцатом веке? Подавление уже русскими восстаний поляков в тридцатые годы девятнадцатого века и в тысяча восемьсот шестьдесят третьем. А двадцатые годы прошлого века! В общем, борьбы и крови хватало с обеих сторон.

Правда, во Второй мировой поляки и русские сражались рука об руку. Воевали с фашизмом, который ненавидели одинаково. Во Второй мировой был один агрессор — гитлеровская Германия и ее союзники. Враг был ясен, понятен и русским, и полякам. Но тесного братания все же не произошло. Все равно была какая-то преграда. Русские давно простили немцев за все жертвы, и у нас теперь хорошие отношения. А поляки никак не могут освободиться от греха озлобленности. Это плохо. Очень плохо. Со злобой жить нельзя.

Недавно приезжал Кшиштоф — сын сестры Тамары. Долго разговаривали. Думаю, — сказал он, — поляки винят русских за вмешательство в польскую жизнь после войны и особенно в декабре восьмидесяти первого — во время правления Ярузельского, когда было введено военное положение. Поляков это очень разозлило. До сих пор не могут простить Ярузельскому. Но ведь если бы Ярузельский не ввел военное положение, судьба Польши была бы решена военной силой. Экономика Польши была на грани краха. Нет, введение военного положения тогда, в восьмидесяти первом, было вполне оправданно.

Я считаю, между Польшей и Россией вообще много разногласий на всех уровнях, много злобы, но на эмоциях нормальных отношений не построишь. Думаю, разные страны не могут одинаково воспринимать историю. Однако это не должно мешать им жить в согласии. Тем более если соседи. Польша тогда, при Ярузельском, искала свой, третий, путь. И даже Горбачев назвал ее «лабораторией реформ». Спрашивала Кшисика, нашла ли она этот путь.

— Полагаю, нет, — ответил он. — Пока ее раскачивает из стороны в сторону. До чего докачается — не знаю. Появился класс или слой людей, которые позволяют себе жить, не считаясь с тем, как живет простой народ. Это аморально, нагло, вызывающе. Тем, кто остался честным, нет благополучного места. В обществе властвует культ денег.

Но, наверное, не лучше и у нас. Ушли из жизни великие русские интеллигенты — Лихачев, Солженицын, Сахаров. Нет ни одного учреждения, которое занималось бы людской совестью. В школах русская литература преподается на таком уровне, что для совести места не осталось. Везде — ком-

пьютеры, информатика, а о советские забыли. Совестливым стало быть невыгодно.

— Тетушка, а Катень?

— Но в Катень не русский народ расправлялся с польским народом. Русский народ и слыхом не слыхивал весной сорокового о сотворенном зле. Все скрывалось. Эта трагедия была содеяна по указанию Сталина тайне от русского народа. И сотворили ее войска НКВД по личному указанию проклятого сатаны. Катень — трагедия всех жертв сталинизма. Ведь там, кроме четырех с лишним тысяч поляков, лежат восемь с половиной тысяч русских, расстрелянных еще в тридцатые годы. Катынский лес, катынские исполкинские сосны выросли на их костях.

Нет и не может быть никакого оправдания сталинскому тоталитарному режиму. Но во время войны поляки — Армия Людова — воевали рядом с русскими против нацизма. Об этом забывать не следует. Войны, захваты чужих территорий — подсудные, несовместимые с божеской моралью явления. И не дай бог, когда это происходит. Но надо уметь прощать. Иначе жить невозможно.

— Тетушка, вы верующая?

— А ты?

— Я, хоть и ученый, физик, а верю в нечто, что выше всего земного. В костел, правда, хожу редко. Каюсь. Но по-своему верю.

— Вот и я, Кшисик, по-своему верую. В чем смысл жизни? Спасти свою душу. Подготовиться к вечности. Господь создал камень, а поднять не может. Камень — это человек. У человека есть свобода выбора. Человек сам выбирает. Потому Господь и послал ему искушения. Быть христианином во всех житейских проявлениях очень важно, но не до забвения, не до слепоты. Церковь сама должна идти к самым несчастным, к потерявшимся и растерявшимся.

Помогать по-всякому: и словом, и делом. И общество призывать к такой помощи.

— Полностью с вами согласен.

— Мы очень близки духовно, Кшисик. Хочу тебя спросить.

— О чем?

— Ты вот говорил, что в Дубне тебя хорошо принимают. Есть друзья. Русский знаешь прекрасно. Может, стоит переехать из твоей Варшавы в Дубну? Это ведь рядом с Москвой. Были бы все вместе. И мама твоя, думаю, была бы рада. После смерти

мужа ей живется очень тоскливо, особенно когда ты месяцами торчишь в Женеве, где база для опытов. Об этом она все время говорит мне по телефону. Нас мало осталось, и надо жить «в кучке». Знаешь, как сказал поэт?

«Старость тем хороша, что не надо ходить к гадалке: жизни мало осталось, и эти остатки жалки».

— Тетушка! Дорогая! Вы и сейчас, и много раньше спокойно могли бы уехать в Израиль. Вас бы там приняли. Вы это сделали?

— Нет.

— Почему?

— Ну, как могла переехать, если муж — русский, православный, юрист. Что бы он там делал? И вообще, тоска заела бы без нашей...

— Так и я. Я — поляк. И этим все сказано.

— Так что? *Yeszcze Polska nie zginęła?*¹

— Именно так. И Россия тоже...

— Но почему, почему все так? Скажи мне...

---

¹ Еще Польша не погибла.